даментальное историческое произведение Ш. Бонкало «Русины», увидевшее свет в 1940 г., начинается с легенды, согласно которой Бог призывал русинов и венгров жить в дружбе и взаимопонимании[21].

Таким образом, в официальной публицистике сочеталось декларирование «опеки и заботы» Будапешта над русинским населением и его культурными запросами с постоянным подчеркиванием «цивилизаторской миссии» Венгрии в регионе. Примечательно, что отдельные представители властей в Подкарпатской Руси (в частности, регентский комиссар М. Козма) указывали, что чрезмерное акцентирование внимания на культрегерской роли венгров в Подкарпатской Руси вызывает недовольство местной русинской интеллигенции и грозит «возвратом к Трианону»[22]. Тем не менее данные тенденции имели значительное влияние на культурно-общественную жизнь рассматриваемого периода. Деятельность представителей местных интеллектуальных кругов была возможна преимущественно в русле официальной идеологии и при условии постоянной демонстрации лояльности венгерской государственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М., 2011. С. 269–270.

2 Дронов М. Ю. К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 78–79.

3 Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 92.

4 См.: Тимофеев М. Ю. Нациосфера: Опыт анализа нациосферы наций. Иваново, 2005. С. 90–96.

5 См.: Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 91.

6 См.: Az országgyűlés képviselőházának 382. ülése // Képviselőházi napló. Az 1935. évi április hó 27-ere hirdetett. Budapest, 1939. O. 387.

7 Teleki Pál. Beszédek. 1939 [Electronic resource] // Magyar Elektronikus Könyvtár. 2004. URL: http://mek.oszk.hu/10300/10338/10338.html (data of access: 12.08.2013).

8 См.: Окружно дорога Варги, министра торговельных и промысловых дел по Карпатской территоріи // Карпатска неделя. 1940. 7 января (№ 1). С. 3.

9 Fedinec C. A karpataljai magyarsag torteneti kronologiaja: 1918–1944. Galánta ; Dunaszerdahely, 2002. O. 374.

10 См.: Вегеш М., Фединець Ч. Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород, 2010. С. 205–207.

11 Чакій С. Къ угрорусскому народу // Земледельческий календарь на годъ 1941. Ужгородъ, 1940. С. 49–51.

12 Каллаи Н. Мадьяры и русины // Земледельческий календарь на годъ 1943. Ужгородъ, 1942. С. 37.

13 См.: Капраль М. Періодика Підкарпатської території 1939–1944 рр. (матеріали до повної бібліографії Федора Потушняка) // Науковий і мистецький світ Федора Потушняка : матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження видатного українського письменника і вченого. Ужгород, 2010. С. 148.

14 См.: Тарин И. Найпершое и найважнейшое дело // Нова неделя. 1939. 23 юлія (№ 25). С. 3–4.

15 См.: Бачинський А. Наше сны здейснилися // Нова неделя. 1939. 26 марта (№ 9). С. 3–4.

16 О. Т. Мы хочеме спокойства на Подкарпатах // Нова неделя. 1939. 26 марта (№ 9). С. 2.

17 Знова святкуеме 15 марта // Нова неделя. 1939. 15 марта (№ 7). С. 2–3.

18 Там же.

19 Сповнилася исторична правда // Нова неделя. 1939. 26 марта (№ 9). С. 1–2.

20 Стойка А. Божій сынъ днесь народился…! // Нова неделя. 1940. 7 януаря (№ 1). С. 1–2.

21 См.: Bonkáló S. A rutének [Electronic resource] // Sulinet. 2008. URL: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/ (data of access: 13.02.2014).

22 См.: Ormos M. Egy magyar médiavezér: Kozma Miklós. Budapest, 2000. O. 777.

Поступила в редакцию 08.09.2014.

Олег Геннадьевич Казак – аспирант кафедры южных и западных славян. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры южных и западных славян К. В. Шевченко.

УДК 94:34(430)

О. Б. КЕЛЛЕР

ЛЮБЕКСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО В ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЕ НОВГОРОДА

Посвящена анализу всевозможных аспектов рецепции одного из пяти различных компонентов немецкого права, распространенных в Центральной и Восточной Европе в период Средневековья, а именно городского права Любека в ганзейской конторе Новгорода. Отмечается, что любекское городское право оказало заметное влияние на правовой порядок исторических регионов, расположенных к северу и востоку от Германии.

Ключевые слова: история появления и распространения немецкого права; трансферт; любекское городское право; ганзейская контора Новгорода; сфера действия любекского городского права в Центральной и Восточной Европе.

The article is devoted to the analysis of various aspects of the reception of one of five different types of German law, common in Central and Eastern Europe during the Middle Ages, namely the Town Laws of Lübeck in the Hanseatic office Novgorod. The Town Laws of Lübeck have had a major influence on the legal systems of the historical regions north and east of Germany respectively.

Key words: the history of the origin and spreading of German law; transfer; the Town Laws of Lübeck; the Hanseatic office Novgorod; the Scope of the Town Laws of Lübeck in the Central and Eastern Europe.

Город Любек был основан в 1143 г. графом Адольфом фон Шауэнбургом. В 1158 г. последовало следующее заложение города герцогом Генрихом Львом. С появлением этого города была открыта новая страничка в истории торговли Германии. Любек получает от герцога Генриха Льва вольную конституцию и становится ведущим приморским центром торговли Восточной Германии, а также метрополией для многочисленных новых торговых городов вплоть до города Нарва в Эстонии. Представляет интерес, что

послужило источником, образцом, примером создания любекского права. Исходным моментом в ведущихся среди правоведов спорах является сообщение хрониста Арнольда, аббата монастыря св. Иоганна в Любеке, продолжившего запись «Славянской Хроники» Гельмольда из Босау[1].

Хронист Арнольд пишет, что жители Любека после падения герцога Генриха Льва еще год защищали свой город от императора-короля, храня верность их бывшему господину – Генриху Льву. Но по приказу самого же Генриха вынуждены были открыть городские ворота. При этом они потребовали от короля сохранения прав, данных им и записанных в «Привилегиях герцога Генриха». Здесь и начинается проблема. В источнике, т. е. сообщении хрониста Арнольда, речь идет о сохранении права города Зёста. В каком объеме право города Зёста было даровано Любеку – неизвестно. Также неизвестно, можно ли на самом деле верить этому сообщению хрониста Арнольда[2].

В любом случае сегодня принято считать, что любекское городское право действительно берет свои истоки от права одного из городов Вестфалии – Зёста. Право вестфальского города Зёста – одно из самых древних и самых полных в Северной Германии. Документ состоит из 63 статей. Статьи 1–34 составлены между 1151 и 1156 гг. и санкционированы кельнским архиепископом Арнольдом II. Статьи 35–52 записаны в первом десятилетии XIII в. Остальные статьи дополнили право во второй половине XIII в. В 1160 г. Любеку был дарован герцогом Генрихом Львом ряд привилегий. Одной из них было право города Зёста. Таким образом, город Любек и получил в 1160 г. городское право Зёста. Права, дарованные герцогом Генрихом Львом, впоследствии были расширены привилегиями императоров Священной Римской империи Фридриха I от 1188 г. и Фридриха II от 1226 г. Древнейший сохранившийся латинский текст датирован 1227 г. Позже комментарии давались также постановлениями любекского суда шеффенов[3].

Запись рукописей любекского права осуществлялась монахами любекских монастырей, например замкового монастыря, где монахам давали специальный заказ на запись текстов правовых рукописей. Юридические консультации делались устно и непосредственно конкретной партии. Враждующие стороны, ведущие спор между собой, или их официально уполномоченные для процесса представители из Ростока, Штральзунда и других городов обязаны были персонально прибыть в Любек, чтобы спор перед городским советом, а также приговор совета их родного города изложить устным образом. Исключение городской совет Любека сделал только для города Ревель (ныне – Таллин) из-за его значительной удаленности. Из Ревеля приговор должны были присылать в двух экземплярах на двух различных кораблях в письменном виде зафиксированным на пергаменте, так как бумага могла отсыреть. Ответ из Любека тоже давался письменно. Понятно, почему сохранились судебные решения именно для Ревеля[4].

Все остальные обращавшиеся в городской совет за получением необходимой консультации протоколировались по указу совета в Любекском Нижнегородском сборнике. Лишь в 1500 г. начинается письменная фиксация внутринемецких любекских городов, не удаленных на большое расстояние. Любекский городской совет еще долгое время уклонялся от этой, как он считал, новой моды.

Любекское городское право – право Вестфалии, которое принадлежит к саксонской правовой семье. Любекская семья городского права – вторая по масштабам после магдебургской[5]. Свыше семи столетий, с XII до начала XX в., любекское право прочно удерживалось не только в Любеке, но и в многочисленных других городах, принявших и живущих по нормам этого права. Одной из главных областей влияния любекского права была область частного права. После 1 января 1900 г., согласно Германскому гражданскому уложению 1896 г. (БГБ) практически полностью было унифицировано частное право германской империи и ликвидированы территориальные и городские права земель. Значительная часть любекского права оставалась за пределами империи, получив в своих восточных так называемых «правовых колониях», а именно в городах Ревель, Гапсаль, Везенберг и Нарва, название эстонского городского права, и действовала вплоть до 1940 г. Реально элементы любекского права вошли в БГБ, например такой правовой институт, как основной долг, обязательство; и в Имперский торговый кодекс 1897 г. (ХГБ)[6].

Самые старые тексты городского любекского права, написанные на латыни и относящиеся к периоду приблизительно с 1230 по 1263 г., содержат каждый около 90 статей. На сегодняшний день сохранилось восемь таких текстов и их фрагментов. С 1270 г. запись производится уже на нижненемецком диалекте Северной Германии. Количество статей в правовых книгах еще до 1300 г. возросло до 250. Данных немецких рукописей сохранилось немало. Например, только один город Эльбинг, живущий по нормам любекского права, по данным 1945 г., владел 11 сборниками. Последняя, действующая до 1900 г. редакция любекского городского права 1586 г. содержит в 6 книгах 417 правовых статей[7].

Значимая историческая роль любекского права заключается, безусловно, в том, что его действие и влияние распространились в городах, играющих особое значение в сообщениях на севере Европы. В XIII, а некоторые города и в XIV в. становятся носителями и исполнителями любекского права. Их количество за данный отрезок времени увеличивается до 100. Западная большая группа – это 18 городов Герцогства Гольштейн: Киль, Итцехо, Ольдеслоэ, Рендсбург и др. Восточные балтийские города – Ревель, Нарва, Везенберг и Гапсаль. На землях Тевтонского ордена – в Пруссии – удалось лишь городам Эльбинг, Браунсберг и Фрауенбург длительное время сохранять любекское право вплоть до 1773 г.; города Мемель и Данциг вскоре после приобретения потеряли его. Огромная часть городов с любекским правом были вдоль побережья Мекленбурга и Померании: это Висмар, Росток, Штральзунд, Грейфсвальд, Анклам, Кольберг и др.[8]

Важнейшими источниками по истории города Любека и истории любекского городского права являются «Права города», «Распоряжения» (Burspraken), «Судебные решения совета», «Документы купеческих объединений», «Цеховые уставы», «Казначейские книги», «Списки податей», «Завещания» и «Хроники»[9].

Новгород относится к числу одной из старейших ганзейских контор. Уже с ранних 1190-х гг. известен Новгородский двор Святого Петра (Петергоф) с его знаменитыми систематизированными правовыми актами под названием «Скра». Скра – это «книга законов», Судебник, своеобразный устав конторы. Сохранилось пять редакций Новгородского судебника периода Средневековья и две редакции книги законов периода раннего Нового времени (XVI и XVII вв.)[10].

Рассмотрим некоторые из них. Из средневековых текстов самый ранний датируется серединой XIII в. Первый правовой документ включал в себя девять параграфов. В основном его положения касались управления двором, и прежде всего выборов ежегодно избираемого руководства двором, а также назначения на должность советников, именуемых Wisesten. Вильгельм Эбель предполагал, что это название применялось сознательно, дабы можно было отличить дворовых советников от членов городской Рады – радцев. В руках дворового старосты (Oldermann) были сосредоточены административные и юридические компетенции, облегчавшие ему соблюдение дворовых порядков. Несколько десятилетий тому назад было высказано мнение, что в этой первой Новгородской Скре нашло отражение право Зёста. Однако в настоящее время исследователь Фолькер Хенн опроверг мнение Рольфа Шпранделя, указывая на то, что эта мысль безосновательна. Зато абсолютно точно можно утверждать, что в середине XIII в. контора Новгородского двора Святого Петра представляла собой автономное, независимое от Любека, находящееся под покровительством «Готландской артели» общество нижненемецких торговых людей. К примеру, остаток из денежной кассы Новгородского двора Святого Петра, в которую поступали налоговые платежи и денежные штрафы купцов, при отбытии купцов из Новгорода перевозился в Висбю и там депонировался в так называемый «сундук Святого Петра». Ключи от этого сундука имелись у каждого из четырех управляющих «Готландской артели» из городов Висбю, Любека, Зёста и Дортмунда[11].

Вторая Скра датируется 1295 г. – временем, когда Любек старался упрочить свое влияние на Балтийском море по мере окончания владычества датского Вальдемара II. Как раз в это время начинают зарождаться дискуссии о лишении власти «Готландской артели», а также налицо попытки претворить в жизнь решение вендско-саксонского собрания городов, согласно которому Новгородский двор должен был обращаться за правовыми разъяснениями не в Висбю, а в Любек[12]. Новая Скра в первую очередь сохраняла положения предыдущей. Однако были и различия. Во-первых, в § 1 «О выборах управляющих» отсутствовала формулировка, что последние могли быть выходцами из любого города, а во-вторых, из текста был вычеркнут § 9, о трансферте кассы Новгородского двора Святого Петра в Висбю. Ко второй редакции были добавлены 55 параграфов, относящиеся к уголовно-правовым и процессуально-правовым, а также сферам торгового и морского права (запрет продажи в кредит, подделка мехов и платков и др.). Из этих 55 параграфов 38 отражали любекское право[13]. Взяты они были из одной несохранившейся средненижненемецкой рукописи. Многие из этих 38 параграфов были переписаны дословно. Важными были прежде всего § 60 и 64, согласно которым влияние Любека на Новгородский двор Святого Петра упрочивалось на многие годы. Каким именно образом? Данные параграфы сообщали, что в случаях неуверенности при решении правовых вопросов, т. е. в ситуациях, когда Новгородская Скра не содержала определенных положений, управляющие (Olderleute) должны обращаться за разъяснениями к любекскому совету. Решение любекского совета по всем без исключения вопросам считалось решающим и должно было быть внесено в Новгородскую Скру. На самом же деле, в реальной жизни, по мнению Фолькера Хенна, в случаях, когда в вопросах апелляции решение еще принято не было, управляющие (Olderleute) обращались в Висбю.

Третья, в 1325 г. появившаяся Скра, перенимает положения второй редакции. Изменена была лишь еще раз процедура выборов начальников. За оскорбления и жестокое обращение с управляющими, а также за попытки опровержения их решений посредством обращения в суд платились большие денежные штрафы. Помимо этого, по-новому регулировались вопросы апелляции и вынесения судебных приговоров (§ 68). В спорных ситуациях Скра считалась самым главным правовым текстом при принятии судебных решений. Если же по каким-либо причинам приговор вынесен быть не может, то возможным считается обращение как к городскому совету города Любека, так и к городскому совету города Висбю. Если судебные решения Новгорода и Любека или Новгорода и Висбю будут совпадать, то приговор заносится в Скру и используется в будущем при решении подобных случаев. Если же решения Новгорода и Любека или Новгорода и Висбю будут различаться, то случай оставался нерешенным. Таким образом, со второй четверти XIV в. в жизни Новгородского двора Святого Петра как Любек, так и Висбю играют значительную роль.

Четвертая, записанная между 1355 и 1361 гг., Скра существенно отличается от трех предыдущих. Она содержит 19 объемных отдельных вилькюров за период с 1315 по 1355 г., рассматривающих такие вопросы, как охрана Новгородского двора Святого Петра, вновь измененный порядок выбора управляющих, налоговые платежи; затем вопросы торговли – подделку платков, мехов и воска, проверку товаров на качество, торговые организации с русскими. Здесь для нас крайне важны две вещи. Первый момент: решение о том, что должности старосты и управляющих Новгородским двором Святого Петра поочередно должны занимать купцы (мастера) из Любека или Висбю (§ 65, 67). А если таковых не

имеется, то временно выбирается личность, способная исполнять данные функции, которая занимает эту должность до тех пор, пока, соответственно, не появится житель городов Любека или Висбю. Таким образом, все рещающие должностные посты Новгородского двора Святого Петра находились под контролем Любека и Висбю. На полях имеется примечание, гласящее, что Рига с ее уходящими в XIII в. притязаниями не может претендовать на равноправную долю в управлении Новгородским двором Святого Петра[14]. Второй момент: из четвертой Скры практически полностью был вычеркнут обширный каталог заимствованных из любекского права положений.

Заслуживает внимания и тот факт, что четвертая Скра появилась во время усиления роли Ганзы. Именно в данный период времени Ганза начинает предпринимать попытки упрочения своего влияния и осуществления общеганзейского контроля над разными филиалами нижненемецких купцов за рубежом с консеквентностью, что жалобы на приговоры, исходящие из Новгородского двора Святого Петра, должны были рассматриваться не на заседаниях городского совета Любека, а на ежегодном съезде ганзейских городов (Hansetag), обычно проходившем в том же самом Любеке.

Итак, некоторые редакции Новгородской Скры, а именно вторая, третья и четвертая, отражали борьбу Любека за господствующее положение в конторе и являлись неопровержимым доказательством того, что в первой половине XIV в. любекское право являлось единой составной частью порядков Петергофа. При всем этом нужно отметить и то, что de facto Новгород никогда не апеллировал к Любеку[15].

Наличие немецкого средневекового права в Новгороде является уникальным явлением для российских средневековых городов. В данном случае распространение любекского права стало результатом огромного хозяйственного значения Новгорода как торгового посредника между северо-восточными землями Руси и Западной Европой. Именно статус Новгорода как самого восточного ганзейского центра обусловил выбор модели городского немецкого права – любекского права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Келлер О. Б. Об особенностях Любекского городского права и его отличиях от Магдебургского городского права // Проблемы государственно-политического развития в истории стран Европы : сб. науч. ст. / под ред. Ю. Е. Ивонина, Л. И. Ивониной. Смоленск, 2004. С. 42–47, 45–46.

[2] См.: Ebel W. Lübisches Recht im Ostseeraum. Köln, 1967. S. 15.

[3] См.: Michelsen A. L. J. Der ehemalige Oberhof zu Lübeck und seine Rechtssprüche. Altona, 1839. XXIX, 374 S.

[4] См.: Bunge F. G. von. Die Revaler Rathslinie: nebst Geschichte der Ratsverfassung und einem Anhange über Riga und Dorpat. Nachdr. [d. Ausg.] Reval 1874. Hannover ; Döhren, 1973. VI, 210 S.

[5] См.: Ebel W. Jurisprudencia Lubecensis : Bibliogr. des lübischen Rechts. Lübeck, 1980. 119 S.

[6] См.: Ebel W. Lübisches Recht. Lübeck, 1971. Bd. 1. S. 14.

[7] См.: Келлер О. Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках. Минск, 2012. С. 62.

[8] Там же. С. 66.

[9] См.: Quellen zur Hanse-Geschichte / mit. Beitr. von J. Bohmbach, J. Goetze ; hrsg. R. Sprandel. Darmstadt, 1982. XXIV, 554 S.

[10] См.: Die Novgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert / hrsg. W. Schülter. Dorpat, 1911. X, 216, 145 S. S. 50–66.

[11] См.: Henn V. Lübisches Recht in den Auslandsniederlassungen der Hanse // Grundlagen für ein neues Europa: das Magdeburger und Lübecker Recht im Spätmittelalter und Früher Neuzeit / hrsg.: H. Lück, M. Puhle, A. Ranft. Köln, 2009. S. 49–65.

[12] См.: Kattinger D. Die Gotländische Genossenschaft: der frühhansisch-gotländische Handel in Nord- und Westeuropa. Köln, 1999. X, 529 S.

[13] См.: Frensdorff F. Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Göttingen, 1886. 35 S.

[14] См.: Groth E. Das Verhältnis der livländischen Städte zum Novgoroder Hansekontor im 14. Jahrhundert. Hamburg, 1999. 78 S.

[15] См.: Goerlitz T. Das Institut zur Erforschung des Magdeburger Stadtrechts: Stand und Aufgaben der Forschung über das Magdeburger Stadtrecht insbesondere seine Verbreitung zwischen Ostsee und Schwarzem Meer // Jomsburg: Völker u. Staaten im Osten und Norden Europas. 1942. № 12. S. 1073–1075.

Поступила в редакцию 10.10.2014.

Ольга Борисовна Келлер – преподаватель Тюбингенского университета (ФРГ), докторант кафедры нового и новейшего времени исторического факультета БГУ.

УДК 378.12:930

А. А. ЯНОЎСКІ

ЛЁС ГІСТОРЫКА Ў КАНТЭКСЦЕ ГІСТОРЫІ КРАІНЫ І БДУ

На примере биографии одного из деканов исторического факультета БГУ – А. И. Сидоренко рассматриваются некоторые обстоятельства развития факультета в 1930–60-е гг., когда необходимо было не только находить новые возможности для перспективного развития исторического образования и науки, подготовки кадров высокопрофессиональных специалистов, но и учитывать сложные внутренние и внешнеполитические процессы тех лет. В особенности это было характерно для развития факультета в первые годы после смерти Сталина. Именно тогда деканом истфака и был его бывший студент-выпускник, аспирант и доцент, прошедший три фронта Великой Отечественной войны, А. И. Сидоренко.

Ключевые слова: высшая школа; исторический факультет БГУ; декан; личность в истории; история Беларуси; учебный процесс; фронтовик.

A. I. Sidorenko's biography – one of the heads of BSU's History faculty, is an example of development of faculty in the 1930–60s when it was necessary not only to find new prospects in training of the Soviet historians, but also to consider difficult processes of those years.